

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1901.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь.

(1832—1852 г.) ¹⁾.

Вътомъ 1832 г. профессоръ Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженій. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ рассказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ патріотическомъ институтѣ (женскомъ въ Петербургѣ): изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей.

Новые знакомцы, очевидно, произвели другъ на друга сильное и благопріятное впечатлѣніе. Погодинъ взялъ съ Гоголя слово написать ему изъ Тулы (Гоголь ѣхалъ на югъ), а Гоголь, не отъѣхавъ отъ Москвы и полусотни верстъ, уже изъ Подольска, гдѣ ему пришлось ждать лошадей, пишетъ ему дружеское письмо, въ которомъ называетъ его «безцѣнный Михаилъ Петровичъ, братъ по душѣ».

Съ этихъ поръ начинаются ихъ постоянныя сношенія, начинается ихъ десятилѣтняя дружба; она настолько сплетаетъ судьбу ихъ, что если бы Погодинъ былъ самымъ зауряднымъ профессоромъ, ограничившимъ всю свою производительность лекціями, да двумя тощими диссертациями, одни сношенія съ Гоголемъ дали бы ему замѣтное мѣсто въ исторіи русской литературы классическаго ея періода. Приведу одинъ мелкій, но, по-моему, очень краснорѣчивый фактъ: черезъ 4 мѣсяца послѣ начала знакомства Гоголь проситъ Погодина передать его поклонъ

---

¹⁾ Читано въ торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности 12-го ноября 1900 г.

«Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ москвичамъ» ¹⁾. Стало быть, Гоголь въ это время смотритъ на Погодина, какъ на посредника между нимъ, Гоголемъ, и московской интеллигенціей; да иначе онъ не могъ смотрѣть и впоследствии: послѣ 1842 года Аксаковъ, Шевыревъ, графъ Толстой, Шереметева и многіе другіе были гораздо ближе сердцу Гоголя, чѣмъ Погодинъ; но Гоголь никогда не могъ забыть, что прежде всего черезъ Погодина чуждая ему до тѣхъ поръ Москва стала для него роднымъ городомъ; не забудетъ и исторія, что именно благодаря Погодину Гоголь сталъ москвичемъ; въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ самыхъ горячихъ и искреннихъ друзей и поклонниковъ, и въ московскую землю сложилъ онъ свое преждевременно истощенное тѣло.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ перваго свиданія, Гоголь и Погодинъ уже были на *ты*; немного поздѣе Гоголь пишетъ Погодину: «мы не должны разлучаться на жизненномъ пути» ²⁾; онъ съ радостію отмѣчаетъ, что вкусы ихъ вполне сходятся ³⁾ и т. д.

Что же такъ скоро и тѣсно сблизило съ Погодинымъ Гоголя, который, какъ извѣстно, и въ 23 года вовсе не отличался способностью быстро сходиться съ людьми, напротивъ: былъ замкнутъ и недовѣрчивъ ко всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ школьныхъ товарищей?

Сближаетъ людей сходство интересовъ и возрѣвній и такое различіе характеровъ и наклонностей, при которомъ одинъ человѣкъ какъ бы дополняетъ другого; и перваго и втораго здѣсь было не мало. Погодинъ вышелъ изъ великорусскихъ крѣпостныхъ; Гоголь—изъ малорусскихъ пановъ, и каждый изъ нихъ представлялъ весьма рельефно нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ характерныхъ чертъ своего племени. Погодинъ, при всей широтѣ своего ума и разнообразіи способностей, былъ не богатъ юморомъ и остроуміемъ, которыми Гоголь обладалъ въ высшей степени. За то Погодинъ былъ смѣль, рѣшительнъ, самоувѣренъ и скоръ въ работѣ (часто даже черезчуръ скоръ), тогда какъ Гоголь страдалъ излишкомъ осторожности. Одинъ былъ великій художникъ и иногда пытался быть историкомъ; другой былъ крупнымъ историкомъ и иногда пускался въ творчество; какъ люди способные, они и въ чужихъ областяхъ выходили впередъ изъ толпы. По манерѣ держать себя, по способу отношенія къ людямъ они прямо таки представляли противоположности: Погодинъ былъ шуменъ, повидимому экспансивенъ донельзя, то восторгался, то кипятился, но часто показывалъ больше, чѣмъ у него на сердцѣ; онъ не разсматривалъ людей, а только про-

¹⁾ Кулишъ, Сочин. и письма (СПБ., 1857 г.) V, 163.

²⁾ Изд. Кулиша V, 161.

³⁾ V, 246: „твой глаза ближе къ мопѣ, чѣмъ у кого другаго“.

являлъ передъ ними себя; Гоголь—на столько, какъ говорится, себѣ на умѣ, что на откровеннаго Аксакова его, какъ тотъ выражается, х о л а ц к а я п л у т о в а т о с т ь производить при первомъ знакомствѣ неприятное впечатлѣвіе; Гоголь внимательно присматривается къ окружающимъ, видитъ ихъ насквозь и какъ бы играетъ ими. Оба они люди выдающіеся по душевной и уметвенной силѣ, по огромной энергіи; но у одного энергія открытая, мечущаяся въ глаза, у другого—сдержанная, скрытая.

Поводомъ къ ихъ сближенію послужило то, что они были интересны другъ для друга. Гоголь уже въ «гимназіи высшихъ наукъ» слѣдилъ съ симпатіей за литературной дѣятельностью Погодина, и когда въ первый годъ своей петербургской жизни онъ издалъ подъ псевдонимомъ Алова свою поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», въ числѣ немногихъ экземпляровъ, имъ разосланныхъ, одинъ былъ направленъ въ Москву М. П. Погодину. Погодинъ въ первый разъ услыхалъ о Гоголѣ-Яновскомъ по выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ», которые произвели такой фуроръ, что всякому было интересно познакомиться съ ихъ авторомъ.

Но было бы крайне несправедливо думать, что Погодина влекло къ Гоголю только какъ къ новой знаменитости, что онъ восхищался «Вечерами» только потому, что ими восхищался Пушкинъ и его литературная братія. Нѣтъ! Одну и очень важную сторону этой маленькой книжки Погодинъ былъ способенъ понять лучше и глубже, нежели самъ Пушкинъ, нежели даже самъ ея авторъ; я разумѣю ея этнографическое значеніе. Пушкинъ видѣлъ въ «Вечерахъ» истинную поэзію, простодушную, но увлекательную веселость; въ этомъ отношеніи Погодинъ, конечно, могъ и даже долженъ былъ пѣть съ чужого голоса; но въ шумномъ успѣхѣ этой попытки художественнаго воссозданія одной изъ славянскихъ народностей онъ видѣлъ осуществленіе плодотворной идеи, крупный шагъ впередъ къ той великой цѣли, къ которой онъ, Погодинъ, твердо шелъ всю долгую жизнь свою.

Это значеніе «Вечеровъ на хуторѣ» Погодинъ, должно быть, и разъяснилъ Гоголю при первыхъ же свиданіяхъ, и вотъ почему между ними сейчасъ же начался разговоръ о малороссійской исторіи, подавшей Погодину б о л ь ш у ю н а д е ж д у.

Вотъ, по моему убѣжденію, одна изъ главныхъ причинъ, почему холодный и недовѣрчивый, но тонко понимающій людей и вещи Гоголь сразу почувствовалъ такую симпатію къ Погодину и призналъ въ немъ б р а т а п о д у ш ь ⁴⁾.

⁴⁾ Гоголь и до тѣхъ поръ (начиная съ „гимназіи“) собиралъ историко-этнографическій матеріалъ, но дѣлалъ это полусознательно; съ этихъ поръ онъ начинаетъ мечтать о созданіи малороссійской исторіи. У Погодина по-

Другая важная причина ихъ быстрого сближенія—сходство ихъ положенія въ томъ аристократическомъ обществѣ, которое тогда составляло верхній слой и въ жизни, и въ литературѣ. Гоголь, хотя и дворянинъ по происхожденію, воспитаніе получилъ не дворянское, а разночинское; первое время по окончаніи курса онъ жилъ на счетъ доходовъ съ имѣнія; но это было ему очень тяжело, и онъ твердо рѣшился пробить себѣ дорогу трудомъ, зарабатывать деньги для себя и помогать семьѣ. Лѣтомъ 1832 года онъ могъ считать себя вполне устроившимся. Погодинъ хотя и не испыталъ большой бѣдности, но съ отроческихъ лѣтъ научился добывать деньги и въ 32 года уже имѣлъ небольшое состояніе. Кто не извѣдалъ на себѣ, что значить съ ранней юности зарабатывать себѣ хлѣбъ, тотъ можетъ думать, что это обстоятельство неважно: не все ли равно, откуда юноша получаетъ деньги: отъ родителей ли или за трудъ, отъ чужихъ людей? Только бы онъ не нуждался въ необходимомъ. Но кто самъ прошелъ эту суровую школу, тотъ знаетъ, какой глубокой слѣдъ оставляетъ преждевременная борьба съ жизнью: она закаляетъ волю, обостряетъ умъ и способности; но она же угнетаетъ духъ, односторонне старить, до нѣкоторой степени уродуетъ человѣка. И Погодинъ, и Гоголь прошли эту школу и теперь жили въ средѣ людей, обезпеченныхъ съ дѣтства. Познакомившись, они не могли не признать другъ въ другѣ собратьевъ по судьбѣ и духу, и въ этомъ отношеніи Гоголь долженъ былъ признать надъ собой преимущество Погодина, который выказалъ искреннюю готовность быть полезнымъ молодому другу своей практичностью.

Недворянское воспитаніе сближало ихъ въ самыхъ сокровенныхъ убѣжденіяхъ. Оба они благоговѣли передъ родной словесностью и прежде всего передъ царемъ ея Пушкинымъ (который къ тому же имѣлъ случай облагодѣтельствовать cadaго изъ нихъ, хотя и въ разной степени); широту его литературныхъ стремленій они понимали, навѣрно, лучше, нежели его аристократическіе пріятели, цѣнившіе Пушкина-поэта и чуть не съ брезгливостью относившіеся къ Пушкину-журналисту, критику, историку; но по своей тѣсной связи съ низшимъ слоемъ русскаго общества, который твердо стоялъ за такъ называемый «установленный порядокъ», Гоголь и Погодинъ не могли раздѣлять ни религиозныхъ, ни политическихъ сомнѣній Пушкина и друзей его, и мученичество декабристовъ, повидимому, не возбуждало въ нихъ ни малѣйшаго сочувствія.

учается онъ „славянщина“ и въ 1836 году (Кулишъ, Письма, V, 249. 252 и пр.) и если изъ этихъ позднихъ занятій не вышло ничего важнаго, то съ бесѣдами и мечтами о малороссійской исторіи нельзя не поставить въ связь „Тара са Будьбу“.

Ихъ сближало, наконецъ, и единство занятій: они оба были преподавателями исторіи и географіи, и если Гоголь въ этомъ дѣлѣ бралъ верхъ надъ Погодинымъ глубиною своего ума, силою фантазіи, Погодинъ далеко превосходилъ его основательностью подготовки.

И вотъ они сошлись, подружились и немедленно вступили въ тѣсный союзъ, одинаково пріятный и выгодный для обѣихъ сторонъ. Гоголь даетъ Погодину самыя разнообразныя порученія, которыя тотъ исполняетъ съ готовностью, даже съ радостью. Погодинъ, такъ сказать, угощаетъ Гоголемъ своихъ московскихъ друзей, и Гоголь у него въ домѣ читаетъ въ первый разъ свою первую комедію «Женитьбу»¹⁾; когда оказывается возможность, Гоголь служитъ посредникомъ между Погодинымъ и петербургскими знаменитостями, а Погодинъ обдѣлываетъ всѣ московскія дѣла Гоголя (между прочимъ въ началѣ 1834 г., по предложенію Погодина, тогдашняго секретаря Общества любителей словесности, Гоголь выбранъ въ его члены)²⁾. Переписка между ними самая интимная и оживленная. Гоголь сообщаетъ Погодину планы своихъ научныхъ работъ и, очевидно, очень дорожитъ его мнѣніемъ, хотя и старается казаться независимымъ; даже выговоры отъ Погодина онъ принимаетъ очень благодушно³⁾. Погодинъ съ своей стороны отдаетъ на судъ Гоголя свои литературныя произведенія, и тотъ судить его очень мягко и снисходительно, поневолѣ подчиняя свой тонкій вкусъ симпатіи къ автору. Когда съ конца 1833 г. Гоголь начинаетъ хлопотать о кафедрѣ въ университетѣ, переписка съ Погодинымъ пріобрѣтаетъ для него еще большій интересъ: онъ очень настойчиво проситъ лекцій Погодина (положимъ, обѣщаетъ ему и свои, но сейчасъ же видно, что онъ дѣлаетъ это только, чтобъ не уронить себя), пользуется его книгами и указаніями. Когда Гоголю не удалось занять кафедру въ Кіевѣ, Погодинъ, очевидно, не безъ нѣкотораго насилія надъ своей ученой совѣстью, предложилъ ему свои хлопоты, чтобъ устроить его адъюнктомъ въ Москвѣ⁴⁾. Когда Гоголь началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, онъ, конечно, очень скоро убѣдился, что взялся не совсѣмъ за свое дѣло, но только одному Погодину признался онъ, что не оказалось столь необходимой связи между нимъ и его, какъ онъ называлъ ихъ, «сонными слушателями», и Погодинъ, повидимому, ничѣмъ не сумѣлъ его утѣшить; но за то онъ преисполнился все большимъ восторгомъ къ Гоголю, какъ поэту, и восторгъ этотъ былъ, конечно, вполне искреннимъ и законнымъ (побывавъ въ началѣ 1835 г.

¹⁾ Аксаковъ, С. Т., „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. М. 1890, стр. 9—10.

²⁾ См. письмо его отъ 19-го марта (Кулишъ, V, 201).

³⁾ См. Кулишъ, V, 202.

⁴⁾ Тамъ же, V, 214.

въ Петербургѣ, Погодинъ черезъ посредство новаго московскаго журнала «Наблюдатель» ¹⁾ довелъ до свѣдѣнія публики, что восходящее «новое свѣтило русской словесности» готовить двѣ комедіи). Передъ самымъ выходомъ изъ университета Гоголь одному Погодину сознался въ своемъ «безславіи» ²⁾ и ему же одному—«другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ», прибавляетъ онъ—о своихъ «высокихъ, исполненныхъ истины и ужасающаго величія» мысляхъ.

Въ маѣ 1836 г. одинаково измученный и восторгомъ и порицаніями, авторъ «Ревизора» рѣшается на время покинуть Россію. Извѣщая объ этомъ своего московскаго друга, Гоголь пишетъ ему: «Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой» ³⁾.

Эти слова—одно изъ первыхъ по времени проявленій того мистическаго самоубійства, которое въ серединѣ 40-хъ годовъ развилось въ Гоголѣ до патологическихъ размѣровъ; но въ это время только матери да Погодину сообщаетъ Гоголь такія мысли; только передъ этими двумя людьми душа его вполне открыта: настолько онъ увѣренъ въ беззавѣтной любви ихъ къ себѣ. Съ Погодинымъ Гоголь даже откровеннѣе, чѣмъ съ матерью: онъ часто не сообщаетъ ей о своихъ болѣзняхъ и расстройствахъ, не желая пугать ее.

Къ Погодину же обращается онъ за помощью въ трудныя минуты заграничнаго безденежья, и не лишено значенія, что передъ нѣжинскими друзьями онъ выставляетъ Погодина еще болѣе обязательнымъ и добрымъ къ нему, Гоголю, нежели тотъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, 31-го декабря 1838 г., онъ пишетъ Данилевскому: «Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2.000 фр. отъ добраго моего Погодина, который, не знаю какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ и прислалъ мнѣ ихъ». А пронюхать о нуждѣ Гоголя Погодину было вовсе не трудно, такъ какъ 20-го августа самъ Гоголь написалъ ему объ ней и просилъ у него именно 2.000. Гоголь какъ будто хотѣлъ такой выдумкой мотивировать передъ старыми пріятелями свою привязанность къ москвичу Погодину.

Путешествіе Погодина съ женою въ Римъ (куда Гоголь уже давно звалъ пріятеля) и совмѣстное житье ихъ съ Гоголемъ еще больше закрѣпило эту истинно-братскую дружбу: черезъ Погодина Гоголь сошелся съ Шевыревымъ, съ которымъ до тѣхъ поръ онъ, несмотря на житье

¹⁾ „Моск. Наблюдатель“ 1835 г. I, 442—8.

²⁾ Кулишъ, V, 246.

³⁾ Тамъ же, V, 261.

въ одномъ городѣ, былъ въ довольно рѣдкихъ сношеніяхъ. Гоголь съ наслажденіемъ показывалъ свой Римъ Погодину, познакомилъ его съ художникомъ Ивановымъ и многими другими, а по вечерамъ приятели вели долгія бесѣды о русской литературѣ и славянской народности, и Гоголь, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, сталъ интересоваться не только Снегиревымъ и Сахаровымъ, но и Шафарикомъ. Проводивъ Погодиныхъ и Шевыревыхъ въ Парижъ, Гоголь поручилъ ихъ вниманію своего родственника и однокашника Данилевскаго и очень просилъ сдѣлать для нихъ все возможное. Лѣтомъ Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ жилъ и лѣчилъ въ Маріенбадѣ, а осенью они вмѣстѣ поѣхали въ Москву; Гоголь поселился у Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ и сюда же, какъ къ себѣ въ домъ, привезъ своихъ сестеръ изъ Петербурга и пригласилъ свою мать.

Какого мнѣнія былъ въ это время Гоголь о Погодинѣ и какъ онъ старался объ его интересахъ, видно изъ письма его къ Жуковскому, которое самъ Погодинъ повезъ съ собою въ январѣ 1840 г. въ Петербургъ, куда онъ поѣхалъ съ отчетомъ о своей заграничной командировкѣ:

«Письмо мое передастъ вамъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда, братъ... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замощеничали у него поддѣйшимъ образомъ. И хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него! Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, и какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этого человѣка! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ съ именами первыхъ столповъ науки!»

Можно ли горячѣе, преданнѣе отзываться о своемъ другѣ? и можно ли было ожидать, чтобы такая идеальная и долготѣнная дружба, выдержавшая нелегкое испытаніе неоднократныхъ сожителствъ и заграницей, и въ Россіи, обратится во взаимное раздраженіе и даже злобу?

А между тѣмъ въ то время, какъ Гоголь писалъ это письмо, уже готовился матеріалъ для взаимнаго горькаго разочарованія этихъ двухъ несомнѣнно добрыхъ и хорошихъ людей.

Дѣло въ томъ, что Погодинъ, отъ природы живой и отзывчивый человѣкъ, послѣ долговременнаго пребыванія заграницей и особенно въ славянскихъ земляхъ, преисполнился оригинальныхъ идей не только научныхъ, но и политическихъ и общественныхъ, которыя онъ очень желалъ сообщить согражданамъ, а для этого ему было необходимо имѣть свой органъ. Объ этомъ органѣ, безъ сомнѣнія, происходили частыя бесѣды между друзьями, при чемъ, какъ можно судить по послѣдую-

щему, Погодинъ готовъ былъ удовольствоваться любой формой періодическаго изданія, а Гоголь стоялъ за ежемѣсячный журналъ.

Когда поздней осенью 1839 г. Гоголь изъ дома Погодина поѣхалъ въ Петербургъ за сестрами, у Погодина явился планъ издавать «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (за особую плату), и онъ сообщилъ его Гоголю; тотъ (4-го ноября) написалъ ему длинное и горячее письмо, въ которомъ разбилъ эту идею въ пухъ и прахъ и съ большимъ знаніемъ дѣла настаивалъ именно на журналѣ книжками. Между прочимъ, онъ писалъ: «Я составлялъ и носилъ въ головѣ идею вѣрно обдуманнаго, непреложнаго журнала, заключателя въ себѣ и сѣятеля истины и добра. Я готовилъ даже и отъ себя написать нѣкоторыя статьи для него, пользуясь временемъ весны и будущаго лѣта, которыя будутъ у меня свободны, я, который далъ клятву никогда не участвовать ни въ какомъ журналѣ и не давать нигда своихъ статей»¹⁾.

Можно себѣ представить, какія широкія перспективы для будущаго редактора открывало такое положительное обѣщаніе знаменитаго и всѣмъ, кромѣ Булгарина, любезнаго автора «Вечеровъ», «Тараса Бульбы» и «Ревизора», который къ тому же въ «Современникѣ» Пушкина показалъ огромный критическій и вообще журнальный талантъ?

Въ моментъ полученія этого письма совершилось зачатіе «Москвитянина».

Если расположеніе Погодина къ Гоголю могло усиливаться, оно должно было послѣ этого по крайней мѣрѣ утронуться.

Весною 1840 г. Гоголь уѣхалъ за границу, поручивъ свои денежные дѣла, конечно, Погодину. Въ Вѣнѣ онъ заболѣлъ тою болѣзнью, которую нынче, вѣроятно, назвали бы неврастеніей на почвѣ переутомленія, и только одному Погодину (изъ Рима отъ 17-го октября) онъ подробно описалъ ея припадки и ея тяжелыя послѣдствія, изъ которыхъ тяжеле всего была невозможность напряженно работать, а работать ему было необходимо прежде всего, чтобы исполнить завѣтъ Пушкина—дописать «Мертвыя Души»²⁾.

Съ 1841 г. начинаетъ выходить «Москвитянинъ», въ который Погодинъ кладетъ всю душу свою, всю энергію и всѣ свободныя средства.

¹⁾ Тамъ же, V, 391. Въ концѣ этого письма Гоголь благодаритъ Погодина за намѣреніе устроить въ Москвѣ сестеръ вмѣстѣ съ нимъ. „Онѣ будутъ показывать переводить и работать для будущаго журнала и для меня“.

²⁾ Прочувствованный, хотя и слишкомъ „восторженный“ отвѣтъ Погодина на письмо Гоголя см. у В. И. Шенрока, III, 328.

«Москвитянинъ», какъ всякій серьезный журналъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ направленіемъ, встрѣчаетъ и поклонниковъ и хулителей. Редакторъ и его ближайшій сотрудникъ Шевыревъ работаютъ усердно и даютъ, что могутъ. Но въ одномъ отношеніи журналъ обмануль ожиданія публики: всѣмъ были извѣстны дружескія отношенія редактора и Гоголя; экспансивный Погодинъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ разблаговѣстилъ, что Гоголь обѣщаль помогать «Москвитянину» изъ всѣхъ силъ и, какъ мы знаемъ, онъ имѣль основанія для этого. Выходить книжка за книжкою, а Гоголя нѣтъ. «Всѣ ждутъ,—пишетъ Даль Погодину, что-то будетъ въ «Москвитянинѣ» Гоголя? Его сотрудничество, непременно, расширитъ кругъ журнала. Гоголя любятъ всѣ; для него между читателями нѣтъ партій» ¹⁾). Погодинъ признаетъ справедливость этого, можно сказать, требованія публики и рѣшается написать Гоголю письмо на тему: раззорюсь, выручай! Но онъ немного побаивается своего капризнаго и болѣзненнаго друга и чувствуетъ, какъ было бы неделикатно ему, одному изъ главныхъ кредиторовъ Гоголя, приставать къ нему, и потому прибѣгаетъ къ помощи добросердечнаго С. Т. Аксакова.

Плохо дѣло, когда одинъ изъ друзей проситъ вмѣшательства третьяго лица; дружба, очевидно, виситъ на волоскѣ.

Кто виновать въ этомъ? Конечно, не Гоголь, который по болѣзни не могъ исполнить своего обѣщанія, но и не Погодинъ, который желаль добра своему журналу, затѣянному въ надеждѣ на это обѣщаніе. Въ оправданіе Погодина слѣдуетъ припомнить и то, что Гоголь, по своей мнительности, слишкомъ долго пугаль друзей своихъ плохимъ состояніемъ своего здоровья, такъ что они хоть и вѣрили ему, но не вполнѣ, и что Гоголь черезъ него же, Погодина, переслаль недавно Щепкину одинъ актъ переведенной имъ съ итальянскаго комедіи («Дядька въ затруднительномъ положеніи»); стало быть, работать могъ. Но лучшимъ и полнымъ оправданіемъ Погодину служить то, что благоговѣвшій передъ Гоголемъ Аксаковъ въ этомъ случаѣ сталъ на его сторону и взяль на себя ходатайство.

Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Гоголя прямо-таки ужасное письмо: мало того, что Гоголь считаетъ тяжкимъ грѣхомъ отвлекать его отъ великаго спасительнаго труда, считаетъ, что это позволительно только тому, кто не вѣритъ словамъ его и кто «недоступенъ высокимъ мыслямъ»; мало того, что онъ намекаетъ на свою задолженность, на кредиторскія права Аксакова и Погодина, онъ кончаетъ свое письмо такими жалкими словами: «Но статья будетъ готова; жаль только,

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, Погодинъ, VI, 238—9.

если она усилить мое болѣзненное расположеніе; но я думаю, нѣтъ: Богъ милостивъ».

Можно себѣ представить, какъ подѣйствовало это письмо на впечатлительнаго С. Т.! Онъ оказывается виновнымъ въ грубой неделекатности, въ неуваженіи къ словамъ Гоголя, въ порчѣ «Мертвыхъ Душъ», наконецъ въ болѣзни, угрожающей ихъ творцу!

Вся эта исторія настолько огорчила и разобидѣла его, что онъ сталъ избѣгать дѣловыхъ сношеній и съ Погодинымъ и даже съ Гоголемъ: когда Гоголь хотѣлъ поручить ему 2-ое изданіе «Ревизора», онъ отказался, сославшись на свое семейное горе (смерть сына). Но когда взявшій это на себя Погодинъ задумалъ для блага «Москвитятина» предварительно помѣстить въ немъ нѣсколько добавленныхъ сценъ къ «Ревизору», Аксаковъ счелъ долгомъ вмѣшаться и пытался остановить его угрозой гнѣва Гоголя.

Тогда уже разсердился Погодинъ и, по свойству своего характера, выразилъ свое «сердце» слишкомъ рѣзко. «Да помилуйте, Сергѣй Тимошеевичъ, писалъ онъ Аксакову: что я въ самомъ дѣлѣ за козель искупленія! Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай (разумѣется, денегъ), бѣги и дѣлай и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя! Да еслибъ я изрѣзалъ въ куски «Ревизора» и разсовалъ его по своему журналу, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня».

Идея превращенія «Ревизора» въ куски «Москвитянина», разумѣется, Аксакову не понравилась, и онъ отвѣчалъ Погодину, насколько могъ, сухо ¹⁾).

Но Гоголь продолжалъ по-прежнему и дружескія и дѣловыя сношенія съ Погодинымъ и на присланныя имъ деньги выѣхалъ въ 1841 г. изъ Рима въ Россію.

Приѣхавъ въ Москву, Гоголь поселился, разумѣется, у Погодина, въ домѣ котораго должна была черезъ нѣсколько мѣсяцевъ остановиться (и, дѣйствительно, останавливалась) и мать Гоголя.

Въ началѣ этого совмѣстнаго житья, повидимому, все шло по-прежнему: Послѣднія главы 1-го тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь читалъ только двумъ Аксаковымъ и Погодину; Аксаковы были въ такомъ восторгѣ, что отказались отъ всякой критики; Погодинъ критиковалъ планъ поэмы довольно строго и съ раздраженіемъ, вѣроятно, безсознательнымъ. Гоголь слушалъ его внимательно и не возражалъ, но плана своего не измѣнилъ.

¹⁾ Въ оправданіе Погодина необходимо, впрочемъ, прибавить, что, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста письма (см. у Аксакова, Ист. моего знакомства и пр. стр. 117—118), Погодинъ больше заботился объ интересахъ Гоголя, чѣмъ о своихъ собственныхъ.

Въ концѣ 1841 и началѣ 1842 г., какъ рассказываетъ Аксаковъ ¹⁾, начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. «Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ, а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя, на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т. е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить...» «Жалобы и обвиненія Погодина, продолжаетъ Аксаковъ, казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева... Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилить, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу вверхъ, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности». Такъ рассказываетъ Аксаковъ и не только обвиняетъ грубую и «топорную» натуру Погодина, но очень рѣзко обвиняетъ и себя самого за то, что онъ не вмѣшался въ ихъ ссору.

Надо замѣтить, что все это писано вскорѣ послѣ смерти Гоголя, когда всѣ горячіе поклонники его таланта, бывшіе съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ, не исключая и Погодина, были очень склонны оправдывать Гоголя во всемъ и обвинять себя и другихъ его пріятелей за непониманіе тонкой духовной организаціи великаго художника. Но и при этихъ условіяхъ правдолюбіе заставляетъ Аксакова сознаться, что обращеніе Гоголя, и прежде неровное, теперь значительно измѣнилось къ худшему, и указать на то, что Гоголь приблизительно въ тотъ же періодъ не могъ ужиться и съ кротчайшимъ Языковымъ. Все послѣдующее убѣждаетъ насъ положительно, что если Погодинъ, сильно обеспокоенный положеніемъ своего журнала (которому могъ бы, но не хотѣлъ помочь его такъ-называемый другъ), и грѣшилъ иногда вспыльчивостью и безтактностью, то гораздо болѣе грѣшилъ холодной озлобленностью Гоголь, который и самъ сознается, что онъ нарочно избѣгалъ объясненій: «Пусть моль его путается!», а Смирновой очень откровенно заявляетъ, что жертвовать своими статьями для журналовъ друзей находилъ для себя невыгоднымъ, такъ какъ готовился напечатать полное собраніе своихъ сочиненій.

Несмотря на то, что Гоголь даль-таки для 3-й книжки «Москвитянина» (за 1842 г.) свой отрывокъ «Римъ», отношенія его къ Погодину настолько обострились, что 9-го мая, когда Гоголь давалъ обычный именинный обѣдъ въ саду, хозяинъ и его жилецъ уже не разговаривали другъ съ другомъ ²⁾. Черезъ двѣ недѣли Гоголь надолго покинулъ Москву, и Погодина, конечно, не было въ числѣ провожавшихъ его.

¹⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 54.

²⁾ Аксаковъ, 62.

Такъ окончилась эта долгая дружба, обнимающая лучшихъ 10 лѣтъ жизни Гоголя, въ продолженіе которыхъ онъ написалъ «Миргородъ», «Ревизора», «Петербургскія повѣсти» и 1-ую часть «Мертвыхъ Душъ». Въ послѣдующее десятилѣтіе—періоды 2-ой части «М. Д.» и «Переписки съ друзьями», главнымъ исполнителемъ практическихъ порученій Гоголя, вмѣсто Погодина, является Шевыревъ, болѣе аккуратный, менѣе «топорный», но зато едва-ли такой искренній и сердечный человѣкъ.

Ссора Погодина съ Гоголемъ не была вульгарной ссорой двухъ друзей изъ-за стараго ружья и «гусака»; это было взаимное раздраженіе на почвѣ нѣкотораго взаимнаго разочарованія. Поэтому, во-первыхъ, они не втягивали въ свою ссору близкихъ людей: мать Гоголя и по отъѣздѣ сына дружески относилась къ Погодину, и Гоголь изъ Петербурга поспѣшилъ написать ласковое письмо женѣ Погодина, а во-вторыхъ, когда прошелъ острый періодъ раздраженія (что произошло, конечно, довольно скоро), между ними стали возможны дружески-дѣловыя отношенія. Уже въ мартѣ 1843 г. Гоголь пишетъ Аксакову и Шевыреву по длинному и задушевному письму и проситъ ихъ, вмѣстѣ съ Погодинымъ, взять на три года на свою отвѣтственность устройство матеріальнаго благосостоянія Гоголя, при чемъ специально на Аксакова и Погодина, который, пишетъ Гоголь, часто упрекалъ меня зато, что я мало сдѣлалъ для семьи¹⁾, возлагалась, въ надеждѣ на прекрасныя души ихъ, забота о матери Гоголя.

Когда три москвича совмѣстно обсуждали эту просьбу Гоголя, Погодинъ, по словамъ Аксакова, «мучилъ насъ обоихъ своимъ ропотомъ, осужденіемъ и негодованіемъ» (стр. 106); но С. Т. долженъ сознаться, что и въ его душѣ не было полной довѣренности къ Гоголю (стр. 107). Однако деньги, затребованныя Гоголемъ, были собраны и ему посланы.

Извѣстно, что учителя и профессора ранней весною бываютъ особенно раздражительны, а къ осени, если имъ удастся хорошо отдохнуть лѣтомъ, міровоззрѣніе ихъ, а слѣдовательно и взглядъ на отдѣльныхъ людей, значительно смягчается.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Тотъ же Погодинъ, который въ апрѣлѣ, какъ говорится, «рвалъ и металъ» на своего бывшаго друга, въ сентябрѣ самъ открываетъ съ нимъ сношенія письмомъ, очень характернымъ, но вовсе не дипломатичнымъ:

Москва 1843 г. сентября 12-го.

«Наконецъ, нашель я въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобою, написать къ тебѣ письмо. Раны сердца моего зажили, или по крайней мѣрѣ затянулись... Ну, что, каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ опять ма-

¹⁾ Аксаковъ, стр. 105.

ріенбадскую воду, а теперъ на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь изъ горла, и голова безпрестанно тяжела. Не случилось ли чего особеннаго въ душѣ у тебя около 3-го (15-го) сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3-го числа я какъ будто примирился съ тобою; а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ тревоженія! Когда ты затворилъ дверь, я перебрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ, прибавило мнѣ еще больше муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ и высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ.

«Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала слишкомъ глубоко. Наконецъ, я сталъ позабывать тебя, успокаивался... и теперъ все, какъ рукой снято. Ну, слава Богу! Я готовъ опять и ругать и любить тебя» ¹⁾.

На это, можетъ быть, нѣсколько и «топорное», но во всякомъ случаѣ благодушное и искреннее письмо, Гоголь отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ, которое направилъ предварительно къ Аксакову и Шевыреву: пусть они подумаютъ, отдавать ли его Погодину. И хорошо сдѣлалъ: они рѣшили не отдавать его, такъ какъ пришли къ справедливому заключенію, что оно способно только раздражить и огорчить Погодина. Сообщая объ этомъ Гоголю, даже Аксаковъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что себя Гоголь обвиняетъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а Погодина колеть «въ настоящее больное мѣсто» ²⁾.

Письмо Гоголя очень интересно и умно, но ужъ задушевнымъ-то его никакъ назвать нельзя; достаточно сказать, что и начинается оно съ мастерского, но жестокаго отождествленія Погодина съ мрачнымъ духомъ отрицанія и смущенія.

Такъ Погодинъ и остался съ напрасно протянутой рукой примиренія; онъ, повидимому, не дѣлалъ новыхъ попытокъ, но продолжалъ прославлять въ своемъ журналѣ Гоголя, какъ художника, и даже украсилъ его портретомъ ноябрьскую книжку «Москвитянина». Гоголь, самолюбіе и мнительность котораго дѣлались все болѣзненнѣе, страшно возмущился этимъ, увѣрялъ (въ письмѣ къ Языкову), что «большаго оскорбленія» ему «нельзя было придумать» и даже доказывалъ съ свойственной ему тонкостью ума, что отъ изображенія его «неряхою» (въ халатѣ) произойдетъ серьезный вредъ для всей русской молодежи.

Наступаетъ роковой для Погодина 1844 г.; теперъ уже Гоголь изъ добраго чувства протягиваетъ два раза руку Погодину, а тотъ каждый

¹⁾ Аксаковъ, стр. 116—7.

²⁾ Аксаковъ, стр. 124.

разъ хватается, такъ сказать, за нее обѣими руками. 16-го мая 1844 г. Погодинъ сломалъ себѣ ногу. Вся ученая и литературная Москва слѣдила выразить свое сочувствіе больному, и Гоголь прислалъ ему небольшое, но милое письмецо ¹⁾. Погодинъ отвѣтилъ ему, еще лежа въ постелѣ и, желая сдѣлать ему особое удовольствіе, благодарилъ его за елей наго (безъ ироніи) Оому Кемпейскаго, за присылку котораго, надъ Гоголемъ посмѣялся даже благодушный Аксаковъ.

Въ концѣ того же года Погодина поразилъ тяжкій ударъ—смерть жены его, Елизаветы Васильевны, къ которой Гоголь много лѣтъ выражалъ теплую братскую привязанность. Гоголь, въ это время уже явно больной тѣмъ нравоучительнымъ мистицизмомъ, который отравилъ послѣдніе годы его жизни, написалъ старому другу задушевное, но странное и малоутѣшительное письмо.

Онъ доказываетъ вдовцу, что несчастіе, его посѣтившее, есть великій знакъ любви божьей къ нему; въ благодарность за это Погодинъ долженъ съ этихъ поръ всецѣло посвятить себя служенію Россіи, отрѣшившись отъ обычной ему торопливости. «Я знаю, продолжаетъ Гоголь, что покойнику печалили два находящіеся въ тебѣ недостатка: отсутствіе такта во всевозможныхъ родахъ приличій, а другой—гниѣвливость». Какъ лѣкарство противъ этихъ духовныхъ немощей, онъ рекомендуетъ того же Оому Кемпейскаго.

Погодинъ благодарилъ Гоголя за это письмо, какъ за благодаріе, но въ дневникѣ своемъ (23-го декабря 1844 г.), хоть и называетъ письмо умилительнымъ и увѣщаетъ самого себя смириться, не признаетъ за собою ни гниѣва въ смыслѣ злобы, ни рѣзкаго незнанія приличій.

И эти слабые отзвуки былой дружбы едва не прекратились навсегда и едва не смѣнились такими отношеніями, при которыхъ людямъ неловко встрѣчаться въ одномъ домѣ. На этотъ разъ всецѣло виноватъ былъ Гоголь.

Въ самомъ началѣ 1847 г. появляется книга Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Къ немалому своему удивленію, интеллигентные читатели въ одной изъ первыхъ главъ ея нашли такой рѣзкій разность Погодина, какого отъ Гоголя могъ ожидать развѣ Фаддей Булгаринъ. «Пріятель нашъ П., пишетъ Гоголь въ главѣ о томъ, «что такое слово», имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни пошло, строки извѣтнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналъ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестию его» и т. д. А черезъ нѣсколько строкъ Гоголь даетъ общую характеристику писателя и профессора П., который трудится и хлопочетъ тридцать лѣтъ

¹⁾ Отъ 13-го іюня изъ Франкфурта.

и въ результатѣ только убѣждаетъ всѣхъ въ своемъ нравственномъ неяршествѣ и неопратности, такъ что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который сказалъ бы ему спасибо, ни одного юноши, который призналъ бы себя обязаннымъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ ¹⁾ и проч. Въ этой бочкѣ дегтя, правда, была ложка меду въ видѣ признанія благородныхъ и прекрасныхъ порывовъ Погодина, но она, конечно, не измѣнила общаго впечатлѣнія.

Когда добрые люди показали это мѣсто Погодину, тотъ огорчился буквально до слезъ, не могъ думать ни о чемъ другомъ и немного успокоился только по прочтеніи всей книги, когда убѣдилъ себя, что Гоголь просто-таки помѣшался отъ гордости. Самъ С. Т. Аксаковъ былъ возмущенъ до глубины души и писалъ сыновьямъ: «Я никогда не прощу Гоголю выходокъ на Погодина: въ нихъ дышетъ дьявольская злоба, а онъ изволитъ утопать въ любви христіанской».

Какъ человѣкъ прямой, онъ довелъ о своемъ впечатлѣніи и до свѣдѣнія автора: онъ называетъ его поступокъ злобнымъ; «вы позорите, безчестите человѣка, котораго вы называли своимъ другомъ», пишетъ онъ Гоголю, съ благороднымъ злорадствомъ сообщаетъ ему, что Погодинъ плакалъ и что онъ спрашиваетъ Гоголя: Христось училъ подставлять ударившему другую ланиту, но гдѣ же онъ училъ давать оплеухи?

Недовольны были поступкомъ Гоголя и такіе преданные ему люди, какъ Шевыревъ и даже старушка Шереметева.

Но Гоголь и до полученія выговоревъ почувствовалъ, что имъ сдѣлано дѣло неладное. Онъ послалъ свою книжку Погодину съ надписью грубо ругательной, самая грубость которой должна была свидѣтельствовать о его дружескихъ чувствахъ и въ которой себя самого онъ признаетъ столь же и даже болѣе виновнымъ въ тѣхъ грѣхахъ, въ какихъ онъ обвиняетъ Погодина ²⁾. А кромѣ того онъ написалъ ему заигрывающее письмо съ заявленіемъ о своихъ дружескихъ чувствахъ, съ обѣщаніемъ и впредь говорить ему правду въ глаза и съ приглашеніемъ ѣхать вмѣстѣ въ св. Землю.

Не безъ горькаго юмора Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

¹⁾ Цензура вычеркнула нѣсколько выраженій относительно патріотизма Погодина и его любви къ царю, еще болѣе сильныхъ. См. изд. Тихонова, т. IV, стр. 21.

²⁾ „Неопратному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, напояющему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему, Оумъ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей дарить сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопратнѣйшій его самого“. (Барсуковъ, VIII, 544).

«Письмо отъ Гоголя, который обѣщаетъ ругать меня и еще въ знакъ дружбы» ¹⁾). А когда Гоголь узналъ, какое впечатлѣніе произвела его выходка на московскихъ друзей и на самого Погодина, онъ, откинувъ ложный стыдъ, призналъ ее рѣзкой и неприличной, и, хотя отстаивалъ справедливость сказаннаго имъ, но выразилъ искреннее раскаяніе въ огорченіи, имъ причиненномъ, и писалъ Погодину, называя его «другомъ или, лучше, братомъ»: «Съ этой минуты у меня поселилась къ тебѣ такая любовь, какой никогда доселѣ не было и, мнѣ кажется, что дружба наша съ этихъ поръ начнется». Приблизительно тогда же онъ пишетъ о Погодинѣ Шереметевой: «Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце; великодушіе составляетъ главную черту его характера».

Мало этого, Гоголь хотѣлъ и передъ читающей публикой реабилитировать Погодина и для 2-го изданія «Переписки» написать статью: «О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина». Статьи этой Гоголь не написалъ, да, впрочемъ, какъ извѣстно, и 2-е изданіе «Переписки» не потребовалось.

Какъ же отнесся къ раскаянію Гоголя Погодинъ? Очень великодушно и характерно. Онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезное и нѣжное письмо отъ Гоголя. Утѣшился; сердца у меня на него нѣтъ, развѣ когда раздумаешься» ²⁾). Онъ отвѣтилъ ему немедленно (8-го апр.) очень искренно, вполне по-дружески; онъ выразилъ ему свое мнѣніе обо всей его несчастной книгѣ, мнѣніе, конечно, въ общемъ отрицательное, но сдѣлалъ это со всевозможнымъ снисхожденіемъ и братской любовью.

Но потерявшій почву Гоголь и на это, повидимому, обидѣлся и выражалъ сожалѣніе, что завелъ переписку съ Погодинымъ ³⁾; однако этой переписки не прекратилъ и въ концѣ года снова писалъ ему, что любить его больше прежняго ⁴⁾).

Въ концѣ концовъ этотъ печатный «инцидентъ» дѣйствительно скорѣй способствовалъ сближенію, нежели отдаленію бывшихъ друзей. Въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву, зимою 1848 г., Гоголь два мѣсяца жилъ у Погодина и переѣхалъ отъ него къ гр. Толстому только потому, что самъ Погодинъ перебрался во флигель, уступивъ домъ свой исключительно подъ рукописи ⁵⁾).

¹⁾ Барсуковъ, VIII, 541.

²⁾ Барсуковъ VIII, 547.

³⁾ Тамъ же, 554.

⁴⁾ Тамъ же, 557.

⁵⁾ Ради пребыванія Гоголя, Погодинъ торжественно отпраздновалъ день своего рожденія 11-го ноября. Гости были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Празднество, впрочемъ, не вполне удалось: „Гоголь испортилъ. Досадно“, записалъ Погодинъ въ дневникъ своемъ.

Въ послѣдніе три года жизни Гоголя между нимъ и Погодинымъ установились довольно ровныя доброжелательныя отношенія. Они интересовались дѣлами другъ друга, иногда дѣлились мыслями, оказывали взаимно небольшія услуги, видались довольно часто ¹⁾; по старой памяти Гоголь справлялъ въ Погодинскомъ саду свой именинный обѣдъ 9-го мая. Погодинъ продолжалъ прославлять Гоголя въ «Москвитянинѣ», но полной откровенности, прежнихъ задушевныхъ отношеній не было и въ поминѣ. Да впрочемъ въ это время Гоголь былъ такъ болѣзненъ и временами такъ страненъ, что и никто другой не могъ быть съ нимъ въ такой здоровой дружбѣ, которая была когда-то между нимъ и Погодинымъ. Въ это время онъ, дѣйствительно, походилъ, по его же выраженію, на скудельный сосудъ съ драгоценной жидкостью, съ которымъ всѣ обращались необыкновенно бережно и несвободно, изъ страху, какъ бы не толкнуть его.

Нашъ незабвенный учитель Ѳ. И. Буслаевъ рассказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, какъ профессоръ Погодинъ въ 1837 г. на лекціи, вмѣстѣ съ студентами, оплакивалъ смерть Пушкина. На юнаго Буслаева Погодинъ произвелъ тогда неизгладимое и благотворное впечатлѣніе своимъ добрымъ любящимъ сердцемъ, силою своего чувства, раздѣляемаго съ молодежью, и своей задушевною искренностью.

Когда въ 1852 году скончался Гоголь, Погодинъ самъ былъ почти старикъ, и юной, впечатлительной аудиторіи у него уже не было. Передъ нимъ была только,—увы! немногочисленная публика падающаго «Москвитянина». Но доброе сердце и задушевная искренность остались у него тѣми же.

Вотъ какъ онъ въ 5 № «Москвитянина» оплакивалъ великаго художника и своего бывшего друга:

«21-го февраля, въ четвергъ, поутру, безъ четверти въ восемь часовъ умеръ Гоголь. Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки.

«Скрѣпя сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая никогда не была для меня такъ тягостна.

«Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою, но въ чемъ именно заключались его страданья, какъ они начались—никто не знаетъ, и никому не сказалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику.

«Съ котораго времени, по крайней мѣрѣ, оказалась въ немъ роковая перемѣна? Кажется, недѣли за три до кончины».

¹⁾ Гоголь въ домѣ Погодина слушалъ 3-го декабря 1848 г. «Банкрота» Островскаго.

За тѣмъ Погодинъ излагаетъ нынѣ всѣмъ извѣстныя подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя и о сожженіи имъ 2-го тома «Мертвыхъ Душъ».

Онъ отказывается объяснить это странное и страшное дѣло и говорить о покойномъ:

«Это была натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно...

«И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благоговѣть передъ христіаниномъ, чѣмъ сострадать несчастливцу или священно—трепетать о человѣкѣ?

«Друзья и братья! Человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ.

«Оставимъ же бесполезныя изслѣдованія и невѣрныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, что потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, что осталось! Будемъ удивляться великому художнику и молиться, кто можетъ о слабомъ человѣкѣ».

«Въ роковую недѣлю, прибавляетъ Погодинъ въ видѣ Postscriptum'a,—меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ послѣднее время позволялъ себѣ питать разныя подозрѣнья на счетъ Гоголя и не вѣрилъ въ полнѣ его искренности. Шевырева также не было: тотъ самъ лежалъ больнымъ въ постелѣ».

Если несогласная съ литературными приличіями и откровенность послѣднихъ строкъ свидѣтельствуетъ, до нѣкоторой степени, о славянской распущенности, она же, согласитесь, свидѣтельствуетъ и о томъ гуманномъ благодушіи, о той альтруистической наклонности преувеличивать свои недостатки и свои невольные проступки, которую такъ высоко и такъ справедливо цѣнили въ русскомъ народѣ великій ученикъ и продолжатель дѣла Гоголя, Федоръ Достоевскій.

А. Кирпичниковъ.

